

АЛЁША КУЛЕШОВ

ДЕВИАНТ

НЕДЕТСКОЕ ЧТИВО

Алёша Кулешов

Девриант. Недетское чтение

«Издательские решения»

2015

Кулешов А.

Девиант. Недетское чтение / А. Кулешов — «Издательские решения», 2015

Филигранный текстовый квест от лица отщепенца и парии, который в каждом знакомых декорациях пытается вернуться из Зазеркалья, собрав самого себя из фрагментов веб-хроники, обрывков воспоминаний, образов и разговоров с богами. Восстановить цепь событий, замереть, умереть и возродиться из пепла. Не следите за руками – весь трюк в голове! Читать три раза – туда, обратно и как-нибудь ещё. Журнал «Путеводные белки России».

Содержание

Пролог	6
[последняя запись в блоге под тегом Личное – за 10 месяцев до описываемых событий]	7
Глава I. Сейчас	8
Глава II. Вчера	11
[блог:Про детство]	12
Глава III. Позавчера	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Девиянт
Недетское чтение
Алёша Кулешов

© Алёша Кулешов, 2015

© ForWallpaper.com, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Пролог

Две равно уважаемых семьи.

В Ростове, где встречаются нас события.

Которые не то, чтоб враждовали, а скорее – жили в счастливом неведении о существовании друг друга. Пока полукриминальный отпрыск одной из них не повстречал хиппующую девчулю из другой. Повстречал в универе, где она обреталась красой и гордостью факультета, он же балансировал на грани фола, эксплуатируя единственный талант рвать соперников зубами во всяческих межвузовских спартакиадах.

И всё у них сложилось.

И зажили они хотя и без удобств, зато нескушно, и жили так долго и счастливо – почти год. Пока однажды, в год Дракона – месяц Скорпиона, не родился у них шустрый мальчонка. Тут-то весь пасторальный матримониал и треснул в контроверзах оформить ему погоняло: назовем его в честь Гагарина Алексеем, настаивали Капулетти. Нет, возражали Монтекки, только Станиславом, в честь хрен знает кого. И хотя именно отцовская партия на имени Стас, по логике доступной рифмы, настаивать никак не могла – она же в итоге и победила.

И повелись кровавые бои в двух равно уважаемых семействах.

Годам к шести я уяснил, что всем дурным во мне я обязан генам той из двух породивших меня фамилий, чьи представители отсутствовали рядом в сей момент. Как заявила однажды моя тонкая интеллигентная маман, закурив югославскую сигаретку, которыми в эпоху всеобщего дефицита фарцевал мой же дядя: Что-то у вас, Станислав, еблет сегодня бит сильнее обычного. И я тогда понял, что еблет бит у Станислава, а хороший мальчик Алексей хлебает, вопреку от удовольствия, вкусный мамин супчик с фрикадельками, нахваливая её кулинарный талант похлеще Плиния с его эпичным панегириком Траяну.

И все бы стало просто и понятно, если бы не одно но.

НО!

В семье отца всё было ровно наоборот – Станислав хороший мальчик, а маленький засранец Алексей мало того что нашёл, так еще и здорово подпоил Станислава из бутылки, в которой дедушка настаивал на водке мумиё. А Станислав хороший – любит бабушкину лепнину из теста в ладонь размером и просто обожает слушать её щедро пересыпанные матерком библейские истории, которые она излагала им обоим в той примерно манере, в каковой Шура Каретный пересказывает романы Достоевского. Только Алексей при этом жутко хотел свалить на волю. Омрачая Станиславу всю радость христианского восприятия.

А тогда я понял лишь одно: имея несколько имен ты неуязвим для собственной совести. Тебе никогда не бывает одиноко. И ты всегда можешь поссать в раковину на кухне, когда туалет занят, не разорвав шаблона домочадцам.

А вот чего до сей поры понять не в силах – при чём же здесь Гагарин.

Когда он вообще Юрий.

Итак...

* * *

[последняя запись в блоге под тегом Личное – за 10 месяцев до описываемых событий]

но беспокойно в Элсиноре – и вдруг накатит овердоз – вода на пламень, лёд в стакан – огонь неожиданных эпиграмм – сквозь соль речей – под шум дубравный над безымянною рекой – плащи бросают два врага – отметка в тридцать два шага – в гранёный ствол уходят пули – и щёлкнул в первый раз курок.

К числу отметин новогодних празднеств можно причислить полный скрытого драматизма фарс, в финале которого Онегин пристрелил во мне Ленского. Бедолага-романтик был вырван бульдозьей хваткой дарвинизма из плеяды оскверняющих мир рефлексией. Выпилен из мироздания как какой-нибудь прозападный адепт экуменизма, угодивший в объятия Боко харам. Смутно ощущаемый мною конфликт вошёл в терминальную стадию после трёх бутылок восхитительно вишнёвого мерло Rawsons Retreat на шикарной полудикой веранде на улице с сочным названием Живописная, что на северо-западе Первопрестольной – у самого Серебряного Бора, куда и ушли стреляться под бравурные марши Нэнси Синатра. Оба к тому времени перешли на ирландский синглмолт – прямо в горло, что должно было побудить к смирению, но – вопреки традиции – вызвало эффект обратный: разлом накопившихся противоречий разнёс конфликтующие стороны по полюсам полного неприятия, поглотив без остатка всю демилитаризованную зону [конец записи]

Глава I. Сейчас

А случилось ли вам включиться в реальность в пустом самолете, безмолвно парящем над облаками? Не проснуться, не очнуться, а именно включиться. Когда ничего не болит, все системы работают ровно, а собственные чувства говорят о том, что ты не спал, не пьян и не под кайфом и тем не менее – картина, явленная сознанию, пронзительно свежа и незамыслена. Как будто пред тобою вдруг раздвинулась театральная занавесь, в которую бездумно пялился несколько часов кряду, а за ней – святочный городок во всем своем праздничном убранстве. Если нет, то прошу поверить мне на слово – это производит оглушительный эффект. К которому привыкнуть невозможно.

Но для начала мы расставим на колоннах капители, как часто говаривала моя мама перед порывом вдохновенным в девственный еще лист ватмана, распятый на доске чертёжного пантографа.

Зовут меня именно так, как указано на обложке и я настаиваю на имени Алёша – имя это (с фамилией в тандеме) фонетикой напоминает сброс пара из перегретой системы. Ибо у меня, как начал бы такую книгу Эрленд Лу, есть два товарища – хороший и плохой. Как крайние обкладки в этом фарсе.

Из всех сказок мира, прочитанных мной в детстве, багажом во взрослый мир я ухватил единственно золушкин принцип: все, что ты не потратишь в урагане страстей сегодня, не конвертируешь в ощущения, которые у тебя никто не отнимет – завтра неизбежно превратится в прах. Остается, правда, опасность однажды назавтра превратиться в прах самому, но здесь уж, как не устает повторять Марк, каждый топчет сам тропинку между ожидаемой выгодой и неизбежным ущербом. И жизнь моя – сплошная импровизация. Не то, чтобы всякое планирование было противно моему разуму, скорее наоборот – разуму как раз сподручно возведение сногшибательных конструкций, уходящих гордым шпилем в перистые облака. Выдавая этикетку за химический анализ, а красочный эскиз за инженерные расчеты. Практика же неизменно вносила свои коррективы и мне приходилось изыскивать решение в постоянно изменяющихся обстоятельствах. В конечном счете, я перестал отвлекаться на начертание столь зыбких схем и полностью доверился интуиции. Жизнь совсем соскочила с катушек, превратившись в чистейшую авантюру, но вместе с тем приобрела необычайную легкость и заиграла красками. С той поры и порхаю крыловской стрекозой, бросаюсь в крайности всей страстью истинного аддикта.

Но вся моя экспрессия, по меткому выражению Пенелопы, утекает паром в свисток – чем иначе объяснить тот факт, что за все прожитые годы я не пересек Атлантику под парусом, не вынул на ура угля за смену и не завершил на глазах миллионов решающим исход матча голом сногшибательного дриблинга. Скорее всего, я не сделал ничего такого, что послужило бы весомым основанием пилить деревья на тираж моей истории. Если не считать таковым фееричное восхождение на Эльбрус, исполненное однажды в моей неповторимой манере – неделю пёр на западную его голову вместо драгоценных калорий бутылку Макаллана хересной выдержки и два армейских фальшфейера. Зачем – не ясно. Соблазн всё выпить, пожечь и разойтись по домам возник уже в Верхнем Баксане, где я остановился с явным намерением наловить в местной речке сардин на обед. Пришли аборигены, долго смотрели, потом сказали, что сардин в этой речке нет. А есть ли, спрашиваю, лосось. Нет, отвечают, лосося. Давно ль, интересуюсь, нет лосося. Они обратились к самому старому. Тот ответил, что дед его деда ничего не говорил ни о каком лососе, а значит лосося нет давно. Сильно ускакав вперёд, могу сказать, что на Эльбрус я всё-же взгромоздился, вискарь допёр и до усрачки напугал своим

фальшфейером каких-то немцев. Австрийцев, уточнилось потом. Я это ярко помню. Во всех красках.

Что сути не меняет.

А суть вся в том, что в памяти моей изрядные лакуны. И в этой новелле из антологии моей жизни, как целый мир в одной песчинке, нашла отражение вся её неодолимая внезапность.

Кинематографичность вся.

Будто бы некий Режиссер, оберегая от рутины бытия, предъявляет мне к осознанному проживанию лишь деликатесы, превращая тем самым мою жизнь в какой-то фестивальный артхаус, сверстанный буквально на коленке. Как говорится, пусть мы бедны, но спим на чистом и просыпаться почитаем вместе с солнцем. Невкусные же моменты, где я, словно оставленный хозяином аркадный бот, продолжаю жить какой-то жизнью: ем, пью, хандрю, общаюсь с людьми (рассказывают – произвожу благоприятное впечатление), занимаюсь сексом (опять же – с чужих слов) и много еще такого, из чего день за днем ткется нехитрая рогожка повседневности – изытые недрогнувшей рукою летят в корзину.

Которая уж, если судить по метражу, достигла размеров тихоокеанского разлома.

Но время наводить мосты. Собрать обрезки под монтажным пультом.

Судя по обоям – меня, словно библейского Иону, сожрал А-320 или, например, 737-ой Боинг – я накатал на них немало миль в былые времена. Вся разница меж ними лишь в деталях, которые тогда не взволновали. Чего не скажешь обо мне теперешнем: на три-четыре ряда сквозь проход – насколько хватает перспективы – все чистенькое, свеженькое, нетронутое. Девственное все. Где не то, что конь – муха не валялась; такими они, наверное, и рождаются на свет – аэробусы – проткнув, когда подходит срок, веретенном фюзеляжа утробную плаценту верфи в вольном Гамбурге, чтобы потом опутать глобус инверсионной паутиной, покинув берега родной скворешни. Обычный в этих случаях вопрос внёс ясности в теперешний мой статус не особо: последнее, что помню – как я нарядный, с нелепыми герберами в руках шагаю на линейку в первый класс ростовской школы номер пять. Ну, боле-мене связно то есть помню. Кто-то на Высших режиссерских курсах учился на двойки, ибо за такие стыки выперли бы даже из саратовского ТЮЗа, но.

НО!

Каков эффект. Я явно голосую За двумя руками, чему свидетель уровень аминов. Как зритель кассой.

И представилось мне тотчас, как выну я усилием воли задницу из своего гостеприимного кресла и пойду по плюшевым коврам просторного салона аки посуху, простерев длани над изголовьями, сквозь двадцать рядов для простых да пять для нарядных; и войду, никем не встреченный, в залитую солнцем кабину пилотов, где под сочный шорох атмосферного электричества переливают свои жидкие кристаллы дисплеи навигашек и прочих бортовых систем, а в центре всей композиции – словно две стоящие на хвостах кобры – в гипнотическом танце синхронно покачиваются осиротевшие штурвалы. Которых – я знаю – в лайнерах этого поколения нет, все управляется трекболами, но много ли с трекбола драмы. И написалась мне картина эта ну до того, сука, живо, что желание вынимать из кресла задницу убилося на корню, а всего порыва хватило лишь на то, чтоб приподнявшись осторожно, как из засады партизан, взглянуть за бруствер: а глубока ли пропасть моего одиночества.

Увы!

Она оказалась совсем неглубока: впереди кто-то копошился – немного стало даже грустно от такой тривиальной развязки. Бот, по обыкновению, взял место в самом хвосте, где, я слышал, шансы выжить при крушении на полпроцента выше. Да и не чувствуешь себя бычком в консервной банке. Зажатым средь не ведающих про полпроцента собратьев.

И сейчас же все вокруг пришло в движение: из-за шторы за моим плечом выехала тележка, пахнувшая курицей и рыбой одновременно, кто-то где-то покашлял, заныл ребенок, какой-то длинный человек полез проведать в антресоли свой багаж и даже мои окрест безжизненные кресла вдруг зашевелились сочащимися сквозь правый борт игривыми лучами солнца, которые меня и проявили.

И коль уж так благополучно разрешилось с самолетом, самое время произвести ревизию имеющихся у меня предметов – багажа у меня, конечно, нет; хотя бы потому, что никогда и не было – богатые и ебанутые путешествуют налегке. Обнаружив в нагрудном клапане своего шевиньона загранпаспорт – я взволновался даже больше, чем когда думал, что в самолете один; долго с неподдельным интересом пересчитывал веером раскрытые, словно клинки Росомахи, перья державного орла на его малиновой обложке. Странно умиротворившись тем аргументом, что их по двенадцать с каждой стороны. Коронованный орел этот, со скипетром и державой, произвел на меня такое глубокое впечатление, что обнаруженная следом в пистоне джинсов пустая конвалютка от каких-то крохотных колес под именем «...odan» числом в 2 штуки, новых красок ему не добавила.

Талона на посадку при мне не оказалось.

Куда же, все-таки, лечу я? С загранпаспортом и конвертом денег, который обнаружился в другом кармане куртки. Можно, конечно, переадресовать свой вопрос стюардессе или включить локацию в смартфоне, но. В первом случае есть риск оказаться по прилету в ласковых руках наземных служб, а во втором – исчезнет вся интрига. Да и просто стыдно, право слово, востребовать подсказки в первом акте, когда вдруг выпадает такой ребус. А как показывает опыт – он именно таков: вспомнить невозможно, но остается вероятность размотать причинно-следственную нить до самых абрикосов, призвав под свои знамена дедукцию. Мотивы, устремления, увлечения, случайные связи, в конце-то концов, непосредственно предшествующие событию. Поймать за хвост проникшего в сознание червя, вычленив идею, что легла в идеологический фундамент моего путешествия. Да так, сука, красиво легла, что я, презрев естественную лень и смяв препоны, ломанул в небо. В чём был. И что, в конце концов, за элизеум узрел на том конце. В каком хрустальном камне Саурана.

Дел, в общем, дохрена – начну с простого; тем более, что стюардессе маякнул еще тогда, когда хотел узнать, что означает самолет вокруг меня и где я буду, скажем, через час. И вот она стоит уж – бьет копытом.

– Шелковый шарфик, а шелковый шарфик, повернись ко мне задом, – увещаваю ее как Иванушка-дурачок, нагнав в русские сказки эротического флера, – а к буфету передом, да принеси-ка мне стаканчик чего-нибудь крепкого.

И что-то, видимо, прочлось ей в моих глазах такое, что принесла она без возражений полстакана, надоив за кулисой из маленьких – для гномиков – бутылочек. А я, в ожидании неизбежного прояснения, устроился смотреть в прохладное окно когда же, наконец, всосет турбиной пеликана, влекомого рукою злого рока в обход обычных пеликаньих троп.

Глава II. Вчера

Всё возвращается в свою колею. Хотя, в моем случае, говорит Марк, запуская мне по вене изотонический раствор Рингера-Локка с какими-то присадками – это уже не дежавю, а опостылевший перформанс кукольного театра: эта капающая в мерник голубоватая жидкость из пластикового пакета, болтающегося на роге деревянной вешалки из прихожей, катетер для отвода токсичной мочи в моей огнем горящей уретре, он сам в облезлом кресле напротив с веселыми прибаутками в мой адрес. Я в который раз вопрошаю, не сдохну ли прямо сейчас, он отвечает, что на сей счёт я могу не тревожиться, весь его опыт указывает на неизбежность этого события – все мы возляжем на хароновом пароме, зажав монету языком, все до последнего вегана, говорит он мне. Что, впрочем, будет не сегодня – он по-хорошему ко мне привязан и сделает все, что в его силах, чтоб удержать меня в плену материальных воплощений. На этой волнительной ноте мысль теряется и разговор возвращается к началу, как бывало уже не раз и с каждым разом всё страшнее. Словно творение доктора Франкенштейна, собранное не вполне, а скорее – основательно порушенное, я задаюсь вопросом всех времен: как жить мне в человеческом теле. И только я ощущаю, что в следующую секунду узрю Петра Ионьча с удилицем перед воротами, сыворотка в крови пробивает меня живительной испариной, тело расслабляется, отказываясь инстинктивно искать эмбриональное положение, а мысль ложится в дрейф в свободном поиске смыслов моего теперешнего состояния. Сквозь накопившую дрему я слышу гипнотичный голос Марка, он мне озвучивает новости, идущие немой картинкой за моей спиной: для снегоуборщика, сбившего самолет главы Тоталь, добились электрического стула, загопили Мистрала галлы, к Обаме перелезли через забор непрошенные гости, которых попросили пройти внутрь с пакетами на голове, в Либерии кончились больницы для заболевших эболой, в Германии же наводнение, но стоящий по пояс в воде спасатель сказал, что это нормально и волноваться не надо. А в остальном всё хорошо, говорит Марк, поэтому можно поспать, ибо полная отрешенность от всех внешних впечатлений – необходимое условие для восстановления организма. Который мне, вопреки моим опасениям, еще послужит и не нужно его отвлекать по пустякам. Меня качает на волнах теплого и безопасного как материнская утроба океана, ласковые руки вынимают мои многострадальные органы и промывают их в парном молоке, и я все глубже уплываю в страну, где жил еще ребенком с нежной розовой печенью и чистым взором на мир, в свой маленький уютный дворик с большой верандой, где так приятно просыпаться летом с первыми лучами солнца, наслаждаясь чувством сакральной связи с окружающим миром, в котором всякий лист и всякая букашка были друзьями, а смутное желание потрогать соседскую Машу за попу ещё не оформилось в томительную потребность.

[блог:Про детство]

всё началось в тот, примерно, момент моей жизни, когда кто-то из предшествующих колен моей семьи решил, что у меня припухли щёки и меня перевели со вкусной по утрам овсянки на безглютеновый рис. Странные люди, решил я тогда, в домашнем вине при этом мне не отказывают. Я затаил на них недоброе и обдирая крыжовник с кустов у забора, дико мечтал подрасти, чтобы сполна насладиться теми благами, которые доступны лишь взрослым. Предполагая, очевидно, что мне удастся протаскать сквозь фильтры и кордоны, выстроенные на этом пути, мой чистый взгляд на мир – то волшебство восприятия, которое начал творить вместе с первым шлепком по заднице в родильном отделении районной больницы, выписанным мне дежурной акушеркой фигуральной путевкой в жизнь.

Когда мне исполнилось три года от роду – возраст более-менее устойчивых воспоминаний, – меня, воспитываемого до сей поры кем попало, отдали в детский сад, где я в первый же день отловил и перекусал всех детей. На допросе я не смог внятно донести простую мысль, что поступил так от избытка впечатлений, не умея иначе выразить переполнявшую меня радость бытия, и был немедля выставлен наружу с запиской в кулаке направить дурную энергию в иное русло, а мой первый опыт социальной адаптации закончился, не успев толком начаться.

Русло таковое не заставило себя ожидать. Отец, сам в прошлом спортсмен, одержимый желанием выковать из меня чемпиона, затаскал меня по знакомым тренерам, коих у него, на мою погибель, оказалось не просто дохрена, а даже несколько больше, чем требовалось, чтобы сделать жизнь малявки невыносимой. И началась сплошным пунктиром череда спортивных травм: я тонул в бассейнах, падал с батуты, лишался сознания в бесконтактных – на сторонний взгляд – единоборствах, отбивал промежность гимнастическим козлом и все это не пойми зачем: вконец озверевший, я живо представлял себе, как еще до срока предстану пред апостолом Петром у врат небесных и на его вопрос, мол, чего ж ты, сынок, сделал хорошего в жизни, гордо отвечу: Я прыгал в длину!

– Он идиот, Слава, – говорил очередной тренер за водкой-тюлькой моему отцу, когда я, глотая сопли, сидел под дверью их каптерки, зализывая свежие увечья. – Руки есть, ноги есть, ходит тоже вроде ровно, а все вместе – как говно в проруби. Забирай-ка ты его из спорта нахер, не его это.

Этого доброго человека, ухватившего влёт мою сущность, я готов был расцеловать, пропустив ему все аллегории.

Разочарованный же отец изменил свое ко мне отношение на сдержанно-презрительное, а совершенная в своей ёмкости формула «Не мое» удачно вписалась в мою дальнейшую жизнь неким всеобъясняющим клеймом.

Но папа не сдался. Сейчас я понимаю, что потратить он вполовину той энергии на карьеру собственную – сидел бы в президиуме, а тогда, на все мои робкие попытки дезертировать с этого затянувшегося спортивного фестиваля, симулируя легкое помешательство, неизменно отвечал, что, мол, было бы нас у него десяток, то уж, хрен с ним, одним можно бы и пожертвовать. Стоит ли говорить, как истово молился я каждую ночь всем святым, которых только мог вообразить, чтобы они смастерили неубиваемого парнишку моих сразу лет, дабы взвалил он на себя бремя отцовской любви, сняв с моих плеч эту непосильную ношу.

Школу я поначалу тоже воспринял как неиссякаемый источник веселья, простодушно полагая его неизменным атрибутом счастливого детства. Что мир безумен стало ясно много позже. Но к тому времени я уж наломал вязанки дров. Отовсюду изгоняемый, я постигал азы смирения, натирая до блеска паркет в коридорах. Пока однажды не был замечен за этим полезным занятием неким болтом из РОНО, инспектирующим школу. Вопрос встал ребром – учителя наотрез отказывались иметь со мной дело, инкриминируя мне дефицит внимания и гипе-

рактивность, которые они, ухватив суть проблемы, свели воедино псевдонаучным термином «в жопе шило».

Среди всех мнений о причинах подобного поведения самым здравым мне всегда казалось озвученное моей тетей, заявившей школьному педсовету (куда её отправили пожечь сердца глаголом) что виной всему Сатурн. Который вошёл в момент моего рождения в седьмой Дом, прервав гармонию небесных сфер и наделив меня волшебной силой. Холерик – Скорпион – Огненный Дракон – вот уникальная телеметрия мятежного характера, сказала им она. Чем напугала даже тех, кто мне симпатизировал.

Как со мной быть было не ясно: спорт меня не берет, а детская каторга, как ни крути, запрещена даже у нас. Рецептов на чудо-колёса типа риталина для особо выёбистой мелюзги у нас тогда не давали, а единственным средством профилактики всех детских недугов разом была отцовская пиздюлина, выдаваемая и вовсе безо всякого рецепта.

Столь наглядная диалектика побудила меня скрыть оскал духовного поиска под шкурой смирения, которая плющила меня как железная дева Набиса, и все чаще искать упокоения в мире, где никуда бежать не надо, а двигались лишь мои фантазии [конец записи]

Очнулся я, когда за окном догорала вечерняя заря. Окрашенные закатом едва колышутся занавески, шум улиц здесь почти не слышен – всё тихо, спокойно и торжественно. Я вновь по капле наполняюсь жизнью, обретая чувство устойчивого равновесия с окружающим миром.

А на столике у кресла меня ожидала книжка карманного формата, упакованная в простую коричневую бумагу. Джонатан Фоер, «Полная иллюминация». С коротким текстом на форзаце:

Алёша,

Фоер классный, как и ты.

Пиши больше. И никогда не взрослей.

С днём рожденья! Мила.

Превозмогая острое желание все сжечь, я сгреб в охапку бельё и потащился в ванную комнату, где загрузив в машину, долго сидел на крышке унитаза с книгой в руках в восхительном состоянии внутренней пустоты, уперев бессмысленный взор в гипнотически вращающийся барабан.

Глава III. Позавчера

А знакомо ли тебе, Чеширский Кот, роскошное ощущение сонливости, сопутствующее пробуждению в летнее утро, когда воздух наполнен пением птиц, живительный ветерок веет в раскрытое окно, а ты, лежа с полуприкрытыми глазами, видишь, словно все еще во сне, лениво покачивающиеся зеленые веточки, поверхность воды, покрытую золотой рябью? Ах, поверь мне, Котик, это блаженство, граничащее с глубокой тоской, блаженство, наполняющее глаза слезами, словно прекрасная картина или стихотворение¹...

– знакомый до боли голос в уютном обрамлении шороха виниловой пластинки подцепил сознание и аккуратно потянул на поверхность. Но где-то недотянул, обронив в пучину сна. Подцепил снова, нашептывая мне в самое ухо про какое-то блаженство, наполняющее глаза слезами, я же ощущал лишь нечто, граничащее с глубокой тоской, не находя в себе ни сил прервать эти чтения, ни возможности вернуться в сладкий сон. Который мне сейчас так нужен. И только я – с проклятьем на устах – решил сломать нечеловеческим усилием этот шабаш, как все затихло. И разлился покой.

¹ Анджей Сапковский, «Золотой полдень»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.